

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO BUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 738.745

Correo
Central B.
ArgentinaFRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

AÑO XV

Buenos Aires, martes,

29 de enero de 1963

Буэнос Айрес, вторник 29 января 1963 года

№ 679

1938 - 3 февраля - 1963

† Иван Солоневич

МЫ ОСТАЕМСЯ НА СВОЕМ ПОСТУ

...В данном случае убийство не совсем удалось. Это удивительно — как никак специалисты.

Они думали убить “Голос России” и они его не убили... Мы с Юрой остались живы и мы с Юрой продолжаем оставаться на своем посту.

Из нашей раздробленной квартиры-редакции мы вышли в полуголом или — если хотите — в полуодетом виде. Из всего — весьма скромного имущества остались — пишущие машинки, две кровати и один стол. Семья наших старых друзей Каллиниковых приютила нас. Я просил о том, чтобы Тамочка и Коля были похоронены рядом с Ваней Каллиниковым, моим старым другом и сотоварищем, убитым большевиками в 1924 году, и сейчас, под землей, три борца за русское дело лежат так же, как мы все должны были бы С Т О Я Т Ь : плечом к плечу.

Убийство третьего февраля не достигло своей цели. Как это ни было трудно и тяжело — мы выпустили очередной номер нашей, так называемой, газеты: нужно было показать у б и й ц а м , что убить — это еще сравнительно легко, а с л о м а т ь — это на много труднее. Сломать не удалось.

Повторяю паки и паки: все разговорчики о д у х о в н о м в ы р о ж д е н и и нашего народа — это ерунда, вздор и сапоги в смятку. Русский народ — это стальная пружина, которая распрямляется от битвы при Калке до Владивостока и от Бородина до Парижа. Все это совсем не так просто, как кажется по элементарным учебникам истории и географии.

Убийство третьего февраля дало и еще некоторые результаты.

Первое:

Оно к р о в ь ю доказало, что рассеянные по всему свету эмигрантские штабс-капитаны вовсе не такой никому ненужный и никому неопасный сброд, как об этом весьма любят говорить наши унылые самоплюи. Если большевики идут на риск похищений и убийств (а во всяком похищении и убийстве есть риск срыва и разоблачения), то только потому, что силы и будущность нашего зарубежья они оценивают гораздо яснее и толковее, чем оценивают наши самоплюи. Ежели бы большевики рассматривали эмиграцию, как сброд, то не нужно было бы ни отравления ген. Врангеля, ни похищения генералов Кутепова и Миллера, ни убийства третьего февраля: ну сброд и сброд: сам по себе догниет, денационализируется, забудет Россию.

О чем и зачем беспокоиться?
Второе:

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД
3-го ФЕВРАЛЯ 1938 ГОДА
НА ПОСТУ СЛУЖЕНИЯ РОССИИ
ПАЛАЧАМИ РУССКОГО НАРОДА
БЫЛИ УБИТЫ
ТАМАРА ВЛАДИМИРОВНА СОЛОНЕВИЧ
И
НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ МИХАЙЛОВ

Удары направляются исключительно против национальной части эмиграции. Никакому чекистскому дурраку не придет в голову похищать товарища Казем-Бека. При нескольких б о л ь ш е й изобретательности Кремль послал бы в эмиграцию еще десять таких: никакого вреда, а только польза... Весь смысл красного террора заключается в том, что большевизм вообще, а нынешний абдул гамидизм, в частности, хотя бы убирать возможных преемников власти в России... Так, чтобы страна все время оказывалась перед перспективой: никого другого все равно нет... Кому придет в голову бросать бомбу в “Последние Новости”? Они ведь все равно для наследования русской власти никаких шансов не имеют — ну и пусть себе полегоньку критикуют: с одной стороны — нельзя не сознаться, с другой стороны — нельзя не признаться, ни два, ни полтора, ни рыба ни мясо...

Я должен безо всякого прискорбения сознаться, что в некоторых отношениях я разделяю большевистские убеждения: я, как и они, у б е ж д е н в том, что национальная русская эмиграция, наши штабс-капитаны, являются великой опасностью для большевизма. Я убежден и еще в чем-то большем, что именно они будут преемниками власти, конечно, передача ее не пройдет в

“конституционных формах”... Вот именно поэтому-то, большевики ни разу не затронули наших либералов (это, действительно, сброд, сброд для России уже совершенно ненужный) и все время наносят удары именно по штабс-капитанским рядам.

Это

оценка врага.

И эту оценку мы обязаны понять и вывести из нее все соответствующие заключения.

Третье:

В печати высказывались предположения, что меня хотели убить, как автора антисоветских книг, расходящихся по всему миру. С этим предположением я не согласен никак. Убийцы не могли не знать, что книги эти переведены на много языков и что моя смерть создала бы только лишнюю рекламу этим книгам — убийство третьего февраля такую рекламу фактически и создало. В э т о м отношении никакое убийство ничему помочь бы не могло. Убить уже выпущенную в свет книгу вообще невозможно. Но можно убить газету. Убийство было направлено только и исключительно против “Голоса России”.

Четвертое:

Оно и здесь не достигло своей цели: “Голос России”, хотя и кое-как, но все-таки живет. Но с него кровью двух мучеников за русское дело

смыты всякие подозрения в советской агентуре.

Я никогда не возражал против таких подозрений. Они являются не только правом, но и обязанностью всякой русской национальной организации: мало ли какие чекистские болки могут притти сюда в овечьей шкуре, с медом на устах и с тротилом в кармане. Пожалуйста, проверьте. Не проверили. Жаль. Сейчас проверяют болгарские власти. Но для русского зарубежья проверка эта, пожалуй, уже и не нужна.

Подробности взрыва, я думаю, мало интересны. Кто-то утром принес нашей прислуге посылку лично для меня, посылка была положена на стол. Коля ее вскрыл — и от него остались только клочки. Если бы Тамочка на несколько секунд запоздала бы войти в столовую — она, может быть, осталась бы жива.

Я говорю “может быть” — ибо тот факт, что мы с Юрой п о к а уцели — факт вообще несколько фантастический. Вырванная из косяка дверь врезалась в стену в нескольких сантиметрах от моей головы — она с таким же успехом могла бы врезаться и в голову. Тяжелое кресло, стоявшее в столовой, выбило дверь из столовой в Юрину комнату и из Юриной комнаты — дверь на веранду и разбилось в куски о цементную баллюстраду веранды. Оно могло бы пролететь аршином левее — и тогда от Юрочки осталось бы тоже очень немного. Я сейчас, в данном моем состоянии, не могу еще сказать: то ли Господь Бог нас спас, то ли Господу Богу было угодно возложить на наши плечи очень уж тяжелую ношу. Сейчас, в сознании все еще в кровавом тумане и трудно ответить на этот вопрос. Но на некоторые в о п р о с ы я могу ответить с полной ясностью — ибо они продуманы и выстраданы долгими годами:

Борьба с большевизмом есть вовсе не политическая борьба. Не борьба просто одной партии против другой партии. Это есть борьба за Жизнь с большой буквы. Большевизм — это власть лжи, голода, смертей и убийства. Борьба с большевизмом есть обязанность всякого п о р я д о ч н о г о человека. Я хочу подчеркнуть: это не вопрос политики, а вопрос п о р я д о ч н о с т и : какая политика может быть в отношении убийц? Но всякий п о р я д о ч н ы й человек, видя, как на его глазах убивают девочку, не имеет никакого права перебраться в своей памяти все криминальные теории, пожать плечами и пойти дальше своей дорогой. Тут уже нужно драться. Драться до конца. Что там из этой драки выйдет — Господь его знает. Но пожать плечами и уйти дальше — это значит уйти оплеванным на всю жизнь.

(“Голос России” № 86,
15 февраля 1938 г.)

† В воскресенье, 3-го ФЕВРАЛЯ с. г.
В ДЕНЬ ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ ЗЛОДЕЙСКОГО
УБИЙСТВА

ТАМАРЫ ВЛАДИМИРОВНЫ СОЛОНЕВИЧ

и

НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВА

после Божественной Литургии в Кафедральном Соборе Воскресения Христова будет отслужена

ПАНИХИДА ПО УБИЕННЫМ

Редакция “Нашей Страны” приглашает русских людей помолиться об упокоении усопших — жертв большевистского террора.

† Ив. Солоневич

3 февраля 1938 года

В редакции нашей газеты мы вели исключительно идейную борьбу, борьбу мыслью и борьбу словом. Эта борьба оказалась опасной именно потому, что наши штабс-капитаны вовсе не такой бессильный и никчемный слой, как об этом врут Кусковы и Милуковы. Мы не можем вести вооруженной борьбы, ибо наши и большевистские возможности несоизмеримы. Мы почти не можем вести конспиративной борьбы: у нас нансеновские паспорта, а у большевиков дипломатические. Нас только терпят, а они живут на правах экстерриториальности. У нас нищие штабс-капитанские франки — у убийц государственного бюджета. Мы не всегда можем получить оружие для самозащиты, большевики в дипломатических чемоданах провозят не только адские машины, но и похищенных людей. Здесь возможности несоизмеримы. Но есть одна область, в которой мы несоизмеримо сильнее большевиков. Мы несоизмеримо сильнее в нашей правде. Именно эту правду хотели убить бомбой третьего февраля. Убийство не удалось. Это не значит, что оно по нашему адресу не удастся и в следующий раз. Но убить правду вообще — это вещь невозможная. Все равно: будут другие люди, которые, может быть, другими словами, но будут говорить о той же правде, будут будить уставших и уснувших, будут выковыривать ненависть ко лжи, ненависть, основанную на правде. Это неизбежно. Бомбы тут ничем помочь не могут. «Г.Р.» и наши голоса — это только отдаленный отблеск той ненависти, которая двадцать лет растет в сердцах стасемидесятимиллионного народа. Можно погасить эти отблески здесь. Но как погасить их в сердцах ста семидесяти миллионов? Это есть полная утопия и стопроцентная ерунда. Кровь — очень плохой огнетушитель.

И в мире, и в истории есть, конечно, элемент случайности. Я совершенно случайно проспал момент взрыва. Так сказать, проспал свою смерть. Тамочка более или менее случайно вошла в столбовую за несколько секунд до взрыва. Коля еще более случайно раскрыл ножницами пакет с адской машиной, хотя давно было уговорено, что пакеты от неизвестных людей принимать нельзя. Ножницы, которыми Коля открыл пакет, оказались плоскими битыми в стену, не острем, а всей своей плоскостью. Коля, вероятно, не успел почувствовать ровно ничего. Тамочка что-то, вероятно, еще чувствовала, но немного и недолго. Я — очень не богомольный, но глубоко верующий человек. К самому факту смерти относиться довольно спокойно. В наш рационалистический век это может показаться наивным, и примитивным, но я ни одну минуту в своей жизни не верил, что смерть может прекратить существование человеческого «я». Если на Тамочкиной душе и были грехи, как и на всех нас, — то после пятнадцати лет социалистического рая — чем еще карать? Может быть, в конечном счете, взрыв 3-го февраля, с индивидуальной точкой зрения, дороже всего обошелся именно мне.

Я все хочу написать о русской женщине в революции и о русской женщине в победе над революцией.

Все выходит, как мне кажется, как-то нескладно и неубедительно. Мои убеждения в, так называемом, женском вопросе я когда-то сформулировал так, что «этого паршивого жидка» Вейнигера с его «Полом и характером» я повесил бы безо всякого зазрения совести. И я продолжаю утверждать, что Россию спасает и спасет, в самом глубоком и в самом основном, неистребимый женский инстинкт охраны жизни, следовательно, охраны семьи и, следовательно, какой-то охраны даже и нас, многогрешных предстателей сильной половины рода человеческого. Тамочка всегда как-то норовила охранять меня, почему-то предполагая во мне какую-то неприспособленность к жизни, а в семи пудах моих мускулов — какую-то трогательную хрупкость. В Одессе

после ухода добровольцев, после того, как я отболел своим сыпняком и как все мы отсидели в чрезвычайке, Тамочка решила подыскать для меня мирную профессию и какими-то путями, которых я сейчас уже не помню, попыталась меня устроить бухгалтером в каком-то заведении. Никогда в своей жизни я не был в состоянии сразу и без ошибки сложить три трехзначных числа. Даже и не в уме, а на бумажке. В великому огорчению Тамочки я предпочел столь неинтеллигентную профессию, как спорт. Тамочка была очень огорчена. Тамочка очень огорчалась, когда я в Софии пытался гулять по вечерним улицам: убьют. Она не выпускала меня одного и всегда конвоировала меня, в том, может быть, и наивном убеждении, что вдвоем будет безопаснее. По вечерам мы так и не выходили. Я относился скептически к попыткам такого рода самоохраны, но не протестовал. Обо всем этом я когда-нибудь напишу. Литература много, слишком много говорит о несчастных браках. Я чувствую некую моральную обязанность как-нибудь рассказать о нашем «развешенном семействе дутиков»: почему люди должны знать о всякой мерзости жизни и почему им нельзя рассказать о том, что в жизни есть светлого и солнечного.

Это светлое и солнечное ликвидировано взрывом 3 февраля. Это светлое и солнечное в десятках миллионов женских душ борется в СССР, отстаивая бытие свое против страшной тьмы и кровавой грязи, которыми большевизм пытается закрыть и замазать и свет, и солнце русской жизни. Миллионы и миллионы русских мужчин и русских женщин погибли в этой борьбе, как погибли и Тамочка и Коля, но погибли гораздо более мучительно и страшно. Мне страшно думать о судьбах миллионов, медленно и заживо сгнивающих в концентрационных лагерях. Мне страшно думать о том лже-патриотическом словоблудии, которое яркими лозунгами славы, неделимости территорий прикрывает самое страшное, что было в нашей истории: попытки убить и тело, и душу нашего народа. И слава, и неделимость, и территории, и армия, и Церковь, и монархия, и империя — все это только производные величины от тела и от души нашего народа. Если это тело и дальше будет обескровливаться в колхозах и концлагерях, если душа и дальше будет опустошаться звериной борьбой за жизнь, за кусок хлеба и жилплощади, если дети, наши дети, цветы нашей жизни, и дальше будут «перековываться» и в пионерских отрядах, и в колониях беспризорных, если и дальше воинствующее безбожие будет подрывать народную веру, а невоинствующее ГПУ заменять священников «проверенными людьми», то что останется и от славы, и от неделимости, и от территории?

Взрыв 3-го февраля только очень слабый отблеск того, что делает большевизм. Это, выражаясь математически, только одна тридцатимиллионная часть того, что делается на просторе одной шестой части земной суши. Скорпионская резня еще не закончилась. Самое страшное еще впереди. И вот — оценивая прошлое и по мере наших сил предугадывая будущее, мы еще и еще раз должны дать себе совершенно ясный отчет.

Прежде всего и паче всего, всеми силами и всеми средствами, под любыми лозунгами и любыми вывесками, мы должны бороться против этой власти грабителей, растлителей и убийц. Эта власть — власть грабителей, растлителей и убийц — есть самое страшное в нашем мире, есть враг номер первый, враг беспощадный и враг, которого щадить нельзя, под какими бы соусами нам ни подавались попытки примирения и пощадки. Скорпионы должны быть раздавлены. Перед этой задачей все остальное должно отойти на задний план.

(«Наша Газета» № 16
1 февраля 1939 года).

Юрий Солоневич

О МОЕМ ДРУГЕ
НИКОЛАЕ МИХАЙЛОВЕ

Так трудно собраться с мыслями... Так трудно сказать что-то связанное, когда сам еще толком не понял, не поверил, не охватил случившегося...

Так сравнительно просто совладать со своими нервами, но так трудно удерживать мысли, которые бегут шушукаясь, перескакивая и сталкиваясь, как нити колючей проволоки, которую не пробишь, не размотаешь...

Дым и пыль от взрыва еще не успели осесть. Я стоял на коленях, обхватив руками липкие от крови плечи Тамочки. Мы с Ваней только что перенесли ее к свету, на какую-то бесформенную кучу обломков кровати и кирпичной обвалившейся стены. Она еще билась, тыкая в лицо голой костью оторванной руки. Кто-то кричал, что-то еще обваливалось, но я ничего не слышал и не видел, потому что в голове у меня что-то рвалось и лопалось, заглушая внешние впечатления.

Ваня был где-то рядом и только какие-то резервные части мозга улавливали его присутствие. В содому взорвавшихся мыслей были ясны только две: — Бомба... Тамочка умирает... Остальных было не поймать, как не поймать осколков лопнувшей гранаты.

Вдруг в сознание блестящим лезвием врезалось что-то острое и повелительно. Я не сразу понял, что это. Сделал усилие, чтобы сообразить, и, наконец, увидел то, что давно видел глаза, но что не доходило до сознания. Изпод пыли известки и кирпичей торчала какая-то серая жесткая щетка. Под ней была какая-то серая, запыленная и бескровная человеческая кожа.

— Еще кто-то... — мелькнуло у меня. — Колька!.. и в голове сразу стало пусто, как будто черепная коробка не выдержала, и все куда-то вылетело...

Их было всего двадцать шесть, этих, так нелепо сложившихся, лет. Точно двадцать шесть, потому что он родился третьего февраля 1912 года. Тонкий зигзаг его жизни, прыгавший в неизвестность ото дня ко дню, оборвался третьего февраля 1938-го.

Мало кто знал его историю. Он редко и мало говорил о себе, а когда говорил — это были отдельные эпизоды, не связанные ни хронологией, ни местом, ни персонажем. Его отец — русский полковник, прошедший Японскую, Мирскую и Гражданскую войны. Сам Коля прожил три четверти своей короткой жизни в Болгарии, здесь же учился, здесь же похоронил свою мать.

Это не много. Но это, если отбросить мелочи, все, что я о нем знаю.

Столько же знали о нем сотни русских и болгар, считавших его, как и я, своим другом и своим приятелем. Ибо основным достоинством Колюшки Михайлова было то, что он не умел делать себе врагов. И если ему, говоря фигурально, никогда не приходилось иметь в кармане ста рублей, то друзей и приятелей у него было действительно сотни.

Людям импонирует любовь человека к своей родине. Уроженец какого-нибудь Гондураса, с любовью говорящий о своей прекрасной стране, вызывает больше впечатления, чем сын великого Альбиона, если ему на этот Альбион наплевать, и если ему *ubi bene — ibi patria*.

Коля был плохо устроен в этой жизни. И, несмотря ни на какие увещания, он и не пытался устроиться. Как-то раз, после долгого и душевного разговора о его будущем, Колька внезапно замарочил, сел в уголок и стал карандашиком что-то выцарапывать на папиросной коробке. Это были стихи, которые теперь вероятно погребены где-то под кирпичами и из которых я помню только две строчки:

«Я стальной цепочкой привязан
К сгоревшей моей конуре...»

Это мне врезалось в память, как самое характерное, что можно было вообще сказать о Николае Михайлове. Что ему было искать на ветру, в этом холодном и чужом мире, когда сгорела его конура, конура, которой он и по-

Вс. Дубровский

3 ФЕВРАЛЯ

3 ФЕВРАЛЯ 1938 года. 25 лет прошло с того страшного дня, но ничто, никакие последующие события не могут изгладить из памяти воспоминания о нем. Каждая деталь пережитого тогда, все еще стоит перед глазами. И из этих деталей формируется, возникает в мозгу весь страшный день 3-го февраля и снова распадается на детали, каждая из которых леденит кровь.

Верю, что каждый из тогдашних читателей «Голоса России» и все члены зарождающегося тогда «Штабс-капитанского движения» так же, как и я, помнят этот день и воспоминания о нем так же неизгладимы из их памяти, как и из моей. Поверяя сегодня на страницах газеты статьи, написанные Иваном Лукьяновичем и Юрием Ивановичем в те страшные дни, делаю это потому, что никто лучше их самих не может рассказать об их переживаниях после взрыва, отнявшего у них в один миг жену и мать.

Позволяю себе лишь добавить к этим статьям несколько строк, чисто репортажного характера, чтобы осветить внешнюю, так сказать, картину событий, связанных с доставкой на квартиру Ивана Лукьяновича адской машины, которые, быть может, недостаточно известны нашим читателям послевоенных лет.

Подробности бегства Ивана Лукьяновича из концлагеря известны более или менее всем, и уж конечно, всем, прочитавшим его бессмертную книгу «Россия в концлагере», к тому времени переведенную на все языки не только европейские, но даже и на японский. Переехав в 1936 году из Финляндии в

видать-то как следует не успел и которую он, быть может, именно поэтому любил больше, чем мы, чем я, например выдавший все ее черные стороны.

Как-то около полутора лет тому назад из глубокой болгарской провинции, мы получили в редакцию стихи, посвященные «Голосу России». Они не были ни особенно восторженными, ни особенно лирическими, но простыми и честными, и Тамочка пустила их в 22 номере. Потом, месяца через два, кто-то из наших знакомых привел к нам как-то вечером простого и милого русского парнишку, с волосами, зачесанными назад, и немножко тоскливыми серыми глазами. Еще через несколько времени он стал первым и единственным штатным сотрудником редакции.

В то время я учился в Вене и знал о нем только по письмам наших. Когда я вернулся, он получил мою дружбу сразу же, с первого дня, с первых же слов, когда он хмурым баском спросил меня, не привез ли я случайно венских папирос. С тех пор наши папиросы, наши финансы и наши мысли стали общими; и мы стали расставаться с ним только на ночь, и то только тогда, когда ему было куда идти. Если ему некуда было идти — он оставался ночевать в редакции, и будил меня по утрам, вставляя мне в губы папироску...

У него, в качестве движимого имущества, кроме трех тетрадок стихов, был один талисман: маленький черный слоник, неизвестно кем и когда ему подаренный. Слоник, приносящий счастье. Как-то, уже после Рождества в этом году, он принес его к нам и поставил у Тамочки на ночном столике.

— Тут ему будет сигурнее! — сказал он, шуточно мешая болгарский с русским.

Позавчера, ковыряясь щепкой, отколовшейся от двери, в обломках, я нашел этого слоника. Он был цел и невредим. Но на его черном полированном боку прилипла клякса из человеческого мозга...

Боже, как трудно говорить о человеке, который был твоим другом... Спи, Колюшка!..

(«Голос России» № 85
8 февраля 1938 г.)

Болгарию, Иван Лукьянович уже более полутора лет издавал в Софии свою газету "Голос России", освещавшую не только минувшие годы жизни под советским террором, но и из недели в неделю говорившую и разбиравшую текущие события тех лет. На Лубянке отлично понимали невозможность уничтожить дело, сделанное "Россией в концлагере", но также хорошо понимали, что физическое уничтожение Ивана Лукьяновича прервет его политическую деятельность и заставит замолчать "Голос России". Эта цель и была поставлена Лубянской советскому посольству в Софии, усиленному специально для ее осуществления командированными в Софию агентами. Много ли их было, мы никогда не узнали, но наличие одного такого агента засланного Лубянской под именем сына ген. Абрамова, я говорю "под именем сына", потому, что был ли он действительно его сыном или только им назвался, остается тайной. Отец расстался с ним, когда он был еще в колыбели, если не в утробе матери. Таким образом, под именем "сына ген. Абрамова" в Софии мог появиться агент ГПУ, тщательно натренированный на эту роль и игравший ее достаточно хорошо.

Есть некоторые основания предполагать, что организация убийства, а может быть, и техническое его проведение были возложены на него. Пользуясь именем и положением "отца" — известного казачьего генерала, одного из участников Белой борьбы, он легко проник во все нужные ему для исполнения его задачи организации и в частные семьи.

Подготовка убийства велась тщательно. За жизнью семьи Солоневичей была установлена невидимая, но внимательная слежка, что стало явным лишь после взрыва 3-го февраля. Были установлены — вероятно через военных или невольных наблюдателей — малейшие подробности их жизни. Был установлен такой, например, важный факт, что Иван Лукьянович каждое утро вставал около 7 часов и сразу же садился за работу, пока остальные члены семьи еще спали.

Эта подробность интимной жизни семьи, ставшая известной убийце, и определила ход событий, связанных с покушением на жизнь Ивана Лукьяновича. 3-го февраля, именно, за несколько минут до 7 час. утра, и был принесен "неизвестным молодым человеком" на квартиру Ивана Лукьяновича туго перевязанный пакет книг, с просьбой, обращенной к прислуге-немке, приходившей работать в квартиру Ивана Лукьяновича в половине седьмого, "вручить этот пакет Ивану Лукьяновичу, как только он встанет, так как пакет содержит те, необходимые ему для сегодняшней утренней работы книги, которые он просил доставить ему не позже семи часов утра". Как видим, все подробности жизни были учтены!.. Исполнив свою зловещую миссию, "молодой человек" вышел на пустынную в эти часы улицу и удалился. Два человека видели его: прислуга и владелица лавки, находившейся против дома Солоневичей. Но ни один, ни другая не смогли впоследствии дать его точных примет... Манера одеваться, походка, голос — могли принадлежать так же Николаю Абрамову, как и более мелкому агенту, исполнявшему его поручение. Все вешеее после взрыва следствие, как не скрывая говорили в полиции, упиралось в "двери советского пресольства". Николай Абрамов не мог быть прямо обвинен в убийстве, но подвергся единственной возможной каре — высылке из Болгарии под каким-то предлогом.

Прислуга, выполняя просьбу незнакомца, пыталась передать пакет Ивану Лукьяновичу немедленно же, но... Иван Лукьянович продолжал спать... И, как говорит он сам, "проспал свою смерть". После безуспешных попыток вручить книги Ивану Лукьяновичу, прислуга положила пакет на обеденный стол, стоявший по середине столовой, служившей и редакцией "Голоса России". Там туго перевязанная бичевкой смерть пролежала в ожидании своих жертв до 9 часов...

В 9 часов приносил утреннюю почту Коля Михайлов и начинала свою работу Тамара Владимировна. Так было и в то роковое утро. Пришел Коля, вы-

шла из своей комнаты Тамара Владимировна... Узнала от прислуги историю появления на столе в столовой рокового пакета и, вероятно, решила пакет вскрыть, дабы убедиться в спешной необходимости содержавшихся в нем книг для работы Ивана Лукьяновича...

Пакет вскрыли. Разрезали веревку. И страшной силы взрыв раздался над мирной и тихой Софией...

На третий день, после взрыва, в Русской церкви Софии стояли два гроба. Вся многочисленная в те годы русская колония заполнила церковь и прилегавшие к ней улицы. Оба гроба были отнесены на кладбище на руках русскими студентами. Незнакомые люди плакали. Так, погребением жертв советского террора закончилось неудавшееся покушение на Ивана Лукьяновича.

Погребением Тамары Владимировны и Коли Михайлова. Но "Голос России" погребен не был. "Мы остаемся на своем посту!" — писал в первой после взрыва статье Иван Лукьянович. "Голос России" не умолк и позже, когда газета была закрыта болгарским правительством, под давлением Москвы, с которой оно находилось в дружественных отношениях. Вместо "Голоса России" стала выходить "Наша газета", также закрытая болгарскими властями на 65-м номере своего существования... "Нашу газету" сменил двухнедельный журнал "Родина", жизнь которого ограничилась всего шестью номерами. Голос Ивана Лукьяновича не умолкал и лишь обстановка Второй Мировой войны оказалась непреодолимым препятствием к перевоплощению "Родины" в новую по названию, но такую же "старую" по существу, как "Голос России", газету.

Восемь лет длился вынужденный перерыв связи Ивана Лукьяновича с читателями его газеты. Через восемь лет, в 1948 году, в далекой Аргентине снова зазвучал его голос со страниц, теперь "Нашей Страны".

Смерть Ивана Лукьяновича, в 1953 году, была первым тяжелым ударом по его газете. Тяжелым, почти непоправимым ударом. Ближайшие его сотрудники — мы — продолжили его дело. Публициста равного ему по таланту нет между нами. Такие рождаются один раз в столетие, но то, что мы можем делать — мы делаем! Посеянное им зерно идеи Народной Монархии не заглохло, никаким плеведам не удалось до сих пор его заглушить.

Жива Идея Народной Монархии, живое Российское Народно-Монархическое Движение, "Наша Страна", как может, заменяет "Голос России".

3-го февраля 1938 года палачи нашей Родины убили две драгоценные жизни, но цели своей — убить "Голос России" — не достигли.

Слово убить нельзя. Никакие бомбы не могут это сделать.

Вс. ДУБРОВСКИЙ

**ИВАН СОЛОНЕВИЧ
РОССИЯ В КОНЦЛАГЕРЕ**
(Издание четвертое)
в двух частях
(шесть отдельных выпусков)
ИМЕЕТСЯ В ПРОДАЖЕ
в лучших книжных магазинах, у всех
представителей газеты "Наша Страна"
и в Издательстве.

НА СКЛАДЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА

"НАША СТРАНА"

имеются следующие книги

ИВАНА СОЛОНЕВИЧА

Иван Солоневич. ДИКТАТУРА ИМПОНТЕНТОВ. Часть 1. \$ 2.00
Иван Солоневич.
НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ
Часть 1. Основн. положения .. \$ 1.50
Часть 2. Дух народа \$ 1.50
Часть 3 и 4. Киев и Москва ... \$ 3.00
Иван Солоневич.
РОССИЯ В КОНЦЛАГЕРЕ.
Вып. 1-6 по \$ 1.00
Иван Солоневич. ДИКТАТУРА
СЛОЯ \$ 1.50
Иван Солоневич. ХОЗЯЕВА.
Русская сказка \$ 1.00
Иван Солоневич. РОМАН ВО ДВОРЦЕ
ТРУДА (3-е издание) \$ 1.50
ЧТО ГОВОРИТ И. СОЛОНЕВИЧ \$ 1.00

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

207. САМЫЙ КИСЛЫЙ ПОСЛЕВОЕННЫЙ НОВЫЙ ГОД. — ОТКРЫТОЕ ПРИЗНАНИЕ РАСПРЕЙ С КИТАЙСКОЙ КОМПАРТИЕЙ. — ПОЕЗДКА ХРУЩЕВА В ПОЛЬШУ И ОККУПИРОВАННУЮ ЗОНУ ГЕРМАНИИ. — УБИЙСТВО ДРУЖИННИКОВ. — НОВЫЕ МИНИСТРЫ. ЧИСТКИ В КАЗАХСТАНЕ И ТУРКМЕНИСТАНЕ И УЧРЕЖДЕНИЕ СРЕДНЕ-АЗАТСКОГО БЮРО ЦК В ТАШКЕНТЕ. — СМЕРТЬ ПАРТИЙНОГО АКАДЕМИКА А. В. ТОПЧИЕВА И ХРУЩЕВСКОГО ХОЛОПА В. Д. РОДИОНОВА

Никогда за много лет не было столь кислого настроения у правящей верхушки и у всего населения, как в этом новом 1963 году. 1942 год встречали под впечатлением отбитого восьмью армиями под общим командованием Г. К. Жукова штурма Москвы, 1943 и 1944 годы — под впечатлением немецкого окружения в Сталинграде и успешного советского наступления по всему фронту, 1945 год встречали наступлением в Польше, Венгрии, Австрии после захвата Балкан; затем пошли послевоенные годы с шумливыми рапортами об отстроенных городах и заводах, потом о всяких международных и внутренних успехах коммунизма. Даже прошлый год встречали балом московской молодежи в Кремле и всякими празднествами. А в этом году советская печать молчит почти о праздничных развлечениях и ограничивается телеграммами Брежневу и Хрущеву с новогодними пожеланиями иностранных политиков и ответами на эти телеграммы.

Другой новостью явилось исчезновение парадных новогодних ёлок: официально они запрещены, как это было при Ленине, под предлогом охраны лесных богатств и привыкшее к ним население заменяет их всякими настольными картинками и бумажными ёлочками, что лишь напоминает о возвращении при Хрущеве к проклятым ленинским методам борьбы против напоминающих о религии обычаях. При Сталине по инициативе впоследствии расстрелянного, а ныне реабилитированного П. П. Постышева завели ёлки, подчеркивая, что это древнейший языческий обычай праздновать перелом зимы и приручили ёлки к Новому году, а теперь испугались и снова вернулись к нелепым утверждениям, что в России в отличие от Запада не хватает леса для праздничных ёлок.

Не было и балов с угощениями, а вожди партии и правительства еще остро переживают хрущевскую капитуляцию на Кубе и неудачные поиски выхода из продовольственного кризиса; к тому же разлад в Китае пришлось признать, несмотря на годичные усилия скрыть его от населения СССР.

Для нас, читающих свободную печать, разногласия Кремля с Пекином давно известны, но в СССР пытались их скрыть от населения, глухо упоминая, что анонимные "догматики" поддерживают албанских раскольников, против которых Хрущев ищет поддержки у Сталинского врага Тито, перед которым публично унижается.

7-го января опубликовано длинное анонимное обращение, исходящее от ЦК КПСС, но без подписи трусливого Хрущева. Раньше подобные документы подписывались Сталиным одним или совместно с Маленковым, но Хрущев слишком труслив, чтоб подписать резкое обвинение против Мао Дзе. Документ начинается с оправдания капитуляции Хрущева в конфликте из-за Кубы, которая была одобрена на съездах компартий Болгарии, Венгрии, Чехословакии и Италии. Затем признано, что против этого протестовала Албанская Партия Труда (коммунистическая).

Впервые советским читателям сообщается, что китайские делегации выступили в защиту албанских коллег еще на XXII съезде КПСС в октябре 1961 года, а затем на партийных съездах в Болгарии, Венгрии, Чехословакии и Италии. Затем живо утверждается, что албанцы выступают против всех 81 компартий мира тогда, как их поддерживают китайские, корейские, вьетнамские коммунисты совершенно открыто! Значит, в лучшем случае можно сказать, что с албанцами три компартии против КПСС и ее 76 подголосков. Впервые сообщается, что Энвер Ходжа против "мирно-

го сосуществования" с империалистами и говорит, что хрущевские капитуляцион не спасут от войны, вопрос о которой решат ген. штабы империалистических держав. Хрущев обвиняется в отказе от борьбы против империализма; теперь он в сущности старается оправдаться перед албанским обвинителем и доказывает, что американская угроза — не "бумажный тигр", как утверждают китайцы, что нельзя Соед. Штаты считать "колоссом на глиняных ногах", а потому приходится им уступать. Здесь он расходится с Лениным, который даже в пору Гражданской войны не верил в то, что Запад выступит с оружием в руках против слабого тогда советского государства. Дальше Хрущев защищается от китайских обвинений в "ревизионизме" и отступлении от ленинизма. Тут мы узнаем, что китайцы говорят о том, что за Хрущевым "временное большинство в компартиях", а албанцев называют "отстаивающим истину меньшинством".

Далее выражается опасение, что империалисты используют расхождения между Москвой и Пекином, но при этом умалчивается о том, что американские маневры сейчас рассчитаны на сговор с Хрущевым против Пекина, а не с Пекином против Москвы. Поэтому ясно, что западным державам легче сговориться с капитулирующим Хрущевым, чем с непримиримым Мао Дзе. Документ переходит к защите Тито, которого китайцы и албанцы обвиняют в замаскированной реставрации капитализма с созданием новой коммунистической буржуазии. Заканчивается эта длинная декларация обещанием КПСС "бороться против всяких раскольнических действий", то есть по существу идти с Тито против "сталинцев" из Пекина, Тираны и (что еще скрывают от советского читателя) корейской и вьетнамской коммунистических партий.

Если в Болгарию достаточно было послать на съезд Суслова, а в Италию — Козлова, придав первому в помощники Шелепина, а второму — Пономарева, то на съезд коммунистов Восточной Германии Хрущев решил отправиться сам; он годами обещает им выжить западные гарнизоны из Берлина и заключить с ними сепаратный мирный договор, которого не признает Запад, позволил им воздвигнуть в Берлине "стену позора", но на деле не оказал им реальной поддержки. Желая избежать усиления среди германских коммунистов "прокитайских" настроений, Хрущев решил сам поехать на открывающийся 15-го января их партийный съезд. С собой он взял самых надежных своих клеветников: члена президиума ЦК и главаря украинской компартии Ник. Викт. Подгорного, секретаря ЦК по руководству иностранными компартиями Бор. Ник. Пономарева, председателю Центральной Ревизионной Комиссии Нонну Алекс. Мураевьеву, своего зятя-редактора "Известий" Аджубея, с которым он никогда не расстается, таская его за собой повсюду от Вашингтона и Парижа до Будапешта и Берлина, редактора "Правды" Сатюкова и нового посла в Берлине П. А. Абросимова.

Еще 5-го января был объявлен состав этой делегации за 10 дней до открытия германского партийного съезда, но через три дня делегация неожиданно выехала в Польшу, где Хрущев на этот раз появился без всякой помпы; поездом прибыла делегация на второстепенный Варшавский вокзал, где ее встретили Гомулка и Цыранкевич, которые сели к Никите в поезд и поехали с ним и его клеветами в город Ольштын, где предстоят у них конфиденциальные совещания. По имеющимся сведениям, Хрущев хочет выпустить слышущего "либералом" Гомулку с резки-

ми обвинениями по адресу Мао Дзе и предложить Польше первой заключить мирный договор с правительством Ульбрихта, которое уже давно признало новую границу по рекам Одер-Нейсе и отказалось от коренных германских земель. Никите кажется эффективным жестом, что германские коммунисты заключают свой первый мирный договор с той страной, которая первая подверглась нападению Гитлера, начавшего этим Вторую Мировую войну. С другой стороны ему кажется, что союзникам Польши Пилсудского, Франции и Англии труднее не признать этот договор, чем договор с приемниками Сталина и Молотова, сговорившимися с Риббентропом. Во всяком случае трусливый Хрущев хочет выпустить застрельщиком Гомулку и выяснить на его примере, как будут реагировать Западные державы на этот новый трюк.

Об активной борьбе народа против хрущевской диктатуры естественно молчит советская печать, которая, однако, вынуждена признать 25-го декабря убийство в Свердловске дружинника Ал. Г. Лапустина и ранение в лицо другого дружинника Ив. Г. Чевдаря защищавшимся при аресте Селезневым, который вместе с Коробицыным и Истоминным бежали из концлагеря и скрывались в Свердловске. Подоспевшими милиционерами все трое задержаны и расстреляны по приговору областного суда, а дружинники награждены воен. орденом Красной Звезды, который раньше давали лишь за боевые отличия на фронте. Мы не знаем ничего об этих расстрелянных, которых печать пытается изобразить бандитами, но Селезнев, которого первым пытались схватить, финским ножом сумел убить одного и ранить второго из преследователей, когда уже сбегались со всех сторон милиционеры, дружинники, чекисты. Убитый Лапустин был коммунистом — демобилизованным военным летчиком.

29-го декабря убит ножом в Минске дружинник Ив. Вик. Гайдук, также бывший офицер, демобилизованный, перешедший на эту полицейскую службу. Ему посмертно дали только медаль "За Отвагу".

Эти награды не могут, однако, привлечь молодежь на полицейскую службу. Поэтому приходится читать жалобы на то, что многие дружинники уклоняются под всякими поводами от работы в дружинах и иногда предпочитают уехать на пресловутую целину, чем выполнять на своем заводе в родном городе в вечерние часы опасную полицейскую службу дружинников.

В области управления хозяйством Хрущев сейчас уничтожает все им введенные вопреки Маленкову, Кагановичу, Молотову реформы 1957 года и тем самым признает крах созданной им в тот год структуры. Тогда он старательно упразднял всякие министерства, ведавшие внутренней торговлей, разными отраслями промышленности и строительства и создал сеть 108 совнархозов, децентрализуя всю систему государственного управления, что Перухин остроумно назвал "законодательным зудом". Теперь тот же зуд заставляет его сокращать сеть совнархозов и создавать упраздненные им министерства. Для маскировки министерства называются Государственными Комитетами при совете министров; во главе их стоят министры — председатели названных комитетов.

В РСФСР Хрущев оставил 24 совнархоза вместо 67, на Украине семь вместо 14; зато все они урезаны в правах и подчинены вновь созданному, как при Ленине Совнархозу СССР, возглавляемому Венямином Эммануиловичем Дымшицем.

Советские экономисты и пропагандисты писали в 1957 году статьи на тему: пора покончить с бюрократическим централизмом, создавая хозяйственные органы на местах. Сейчас они пишут: пора изжить местничество и централизовать всю систему управления народным хозяйством!

Смещен министр "Сельхозтехники" Пав. Серг. Кучумов, занимавший этот пост с учреждения этого ведомства в феврале 1961 года. Его сменяет прежний его заместитель Ал. Ал. Ежеский.

Министром - Председателем Комитета по торговле при сов. мин. СССР назначен сослуживец Хрущева по Украине кандидат ЦК Александр Иванович Стру-

ев, род. 3-го марта 1906 года, член партии с 1927 года. Он при Хрущеве был первым секретарем Сталинского (ныне Донецкого) Обкома с 1946 года, затем в 1954 году Хрущев перевел его в Пермь, а в 1958 году вызвал в Москву на пост зам. председ. министра РСФСР; теперь он централизует работу торгового аппарата по всему СССР, но едва ли увеличит количество и выбор товаров в гос. магазинах.

Министром СССР — Председателем Комитета по пищевой промышленности назначен 27-го декабря 1962 года в один день со Струевым некий Петр. Вас. Науменко, сведений о котором еще не имею.

Министром-Председателем Комитета по легкой промышленности назначен Ник. Никиф. Тарасов, один из молодых хрущевских клеветов. Он родился в 1920 году. С 15 лет был комсомольцем и 21-го года пошел на войну лейтенантом; попав на Украину в окружение, присоединился к партизанскому отряду, в котором командовал взводом, ротой, батальоном; в 1945-46 годах секретарь Ореховского Райкома комсомола, в 1947 году перешел в партию и возглавил Горком комсомола в г. Осипенко (б. Бердянск); с 1950 года четвертый, а с 1951 второй секретарь Харьковского Обкома комсомола, а с 1954 года второй секретарь ЦК комсомола Украины; потом работал в ЦК ВЛКСМ в Москве. Он явно выдвинут своими коллегами по ЦК ВЛКСМ Шелепным и Семичастным. Постепенно ловкие карьеристы из этого ЦК вытеснят стариков, стоящих у власти при Хрущеве.

Наряду с централизацией идет свирепая чистка, особенно на злополучной "Целине". На этот раз туда выехал секретарь ЦК Ф. Р. Козлов в сопровождении заместителя завед. Отделом партийных кадров по Союзным Республикам П. Ф. Пигалева.

Предвидя грозу, первый секретарь ЦК Казахской компартии Кунаев сделал покаленный доклад, сообщил, что смещен премьер-министр член ЦК КПСС Салкен Дауленов, взял на себя вину за всех своих подчиненных и уверял, что на любом посту постарается работать лучше, чем прежде. Козлов и Пигалев его назначили премьером Казахстана на пост, который занимал с 1955 по 1960 г., когда возглавил партию. Второй секретарь ЦК компартии Казахстана Ник. Ник. Родионов, переведенный два года назад из Ленинграда, также убрал. Вместо Кунаева на пост первого секретаря выплыл Измаил Юсупович Юсупов, проделавший сложную карьеру: 25-ти лет он вступил в 1940 году в партию и в 1954 году стал первым секретарем Южно-Казахского Обкома, пробыв перед тем в 1948-52 годах премьером, а затем два года министром хлопководства; он имеет репутацию большого знатока хлопководства и сейчас, став во главе партии, должен добиться выполнения планов сдачи хлопка, которые из года в год не выполняются. Так бывший премьер, разжалованный в 1952 году из премьеров в министры, а в 1954 году отправленный из Алма-Аты в Чимкент на пост секретаря Южно-Казахской области, снова возносится на руководство всей партией. Вторым секретарем должен быть обязательно русский; на этот пост вместо Родионова назначен Мих. Серг. Соломенцев, возглавлявший до сих пор Карагандинский Обком.

По новой структуре за этими секретарями оставлено лишь политическое руководство, а руководство сельским хозяйством по всему Казахстану доверено Фед. Степ. Коломийцу, который возглавлял в Актюбинске Западно-Казахский Крайком. Промышленность и строительство доверено Р. Б. Байгалиеву, а Партийно-Государственный контроль — б. 4-му секретарю ЦК Григ. Ал. Козлову.

Но хуже всех пришлось Дауленову, который после своего снятия в сентябре с поста премьера начал жаловаться и распространять слухи, что при неудачах в Казахстане пытаются всегда свалить вину за все беды на казахов, а не на русских. Это неверно, ибо в данном случае Кунаев (казах) только снижен из первых секретарей ЦК в премьер-министры, а Н. Н. Родионов совсем убрал. Теперь на Пленуме Дауленов пытался оправдаться и, видимо, искал поддержки у казахов. Поэтому Московские "ревизоры" Козлов и Пигалев его наказали более сурово, чем других: "за недостойное поведение — наруше-

ние партийной этики, грубость, зазнайство и проявление национализма" Салкен Дауленович Дауленов исключен из состава ЦК Казахской компартии; это автоматически приведет к исключению его также из членов ЦК КПСС, что гораздо хуже. Допускаю, что за этим может последовать исключение его из партии, арест и концлагерь, как это было с первым секретарем ЦК Таджикской компартии Ульджабаевым.

В Узбекской республике оставлено прежнее политическое руководство, но партийным руководителем промышленности и строительства назначен председатель Совнархоза Бор. Ник. Мартынов, сельским хозяйством будет руководить узбек Н. Д. Худайбердыев. Партийно-государственный контроль возглавит другой узбек М. М. Мусаханов, возглавлявший в прошлом захолустный Сыр-Дарьинский Обком.

Зато, после основательной чистки в невыполнившей плане сдаче своей продукции Туркменской республике во главе промышленности и строительства поставлен П. С. Долгов, а во главе сельского хозяйства — Бор. Ник. Моралев. Таким образом, все отрасли хозяйства возглавляются только русскими партияцами, впрочем партийно-государственный контроль доверен туркмену А. Ишманкулову.

Большим шагом на пути к централизации и упразднению даже мнимой независимости Средне-Азиатских пяти Союзных республик является воссоздание упраздненного со введением в 1936 году Сталинской конституции Средне-Азиатского Бюро ЦК КПСС. Этот орган был создан Лениным; во главе стоял всегда местный партизек; последний из них Акмаль Икрамов был расстрелян в марте 1938 года вместе с Бухариным и Рыковым.

28-го декабря 1962 года в Ташкенте Козлов, закончивший накануне расправу с вождями Казахской компартии в Алма-Ате, торжественно открыл Средне-Азиатское Бюро, которое по полномочию находящегося в Москве ЦК КПСС должно руководить компартиями всех пяти Союзных республик, "улучшать их партийное руководство, развивать их народное хозяйство, вести перестройку партийных органов". Во главе этого Бюро ЦК поставлен некий В. Г. Ломоносов, фактически прибывший из Москвы генерал-губернатор дореволюционного Туркестана и Степного генерал-губернаторства Российской Империи.

В первый же день он в присутствии Фр. Р. Козлова принял доклады пяти своих прямых подчиненных: первых секретарей ЦК национальных компартий: Узбекистана — кандидата Президиума ЦК КПСС Шарафа Заридовича Рашидова, Туркменистана — кандидата ЦК Бельшо Овезова, Таджикики — кандидата ЦК Джабара Расулова, Киргизии — кандидата ЦК Тардну Усубалиевича Усубалиева. Пятый из них от Казахстана, лишь накануне вступивший в Алма-Ате в должность Измаил Юсупович Юсупов, естественно не мог приготовить доклада, но вместо него доклад сделал 1-й Секретарь Чимкентского Обкома В. А. Ливенцев.

Это позволяет подвести некоторые итоги хрущевских последних мероприятий в Средней Азии. Прежде всего выяснилось почти повсюду провал в области сельского хозяйства и промышленности; при этом оказалось, что среди местных "националов" нельзя подобрать руководящие кадры: ошельмованного и каявшегося Кунаева пришлось перевести с руководителя партии в премьеры, а на его место поставить провалившегося в прошлом Юсупова, который еще 10 лет назад оказался негодным премьером Казахстана. Поэтому все хозяйство в Туркмении просто отдано в заведывание присланных русских партийных бюрократов, не знающих местного языка. Оставив для пропаганды во главе ЦК местных коммунистов, Хрущев их сделал простыми исполнителями распоряжений сидящего в Ташкенте Ломоносова, к которому будут являться за приказами проживающим там Рашидов и к которому будут приезжать для доклада о выполнении его приказов: Юсупов из Алма-Аты, Усубалиев из Фрунзе, Овезов из Ашхабада, Расулов из Душамбе. В свою очередь Ломоносов будет выполнять приказы Хрущева, контролироваться в своей работе А. Н. Шелепным и ездить на доклады в Москву, просиживая в ЦК в ожидании приема у Хрущева, Коз-

лова, Сулова, у Ильичева (по пропаганде) и у Шелепина (по вопросам государственной безопасности и ликвидации всякого недовольства партийной диктатурой).

27-го декабря на 56-м году жизни скоростно скончался вице-президент Академии Наук Александр Васильевич Топчиев, типичная фигура крупного советского ученого. Комсомольцем поступил он 18-ти лет в Московский Химико-Технологический Институт и кончил его блестяще через 5 лет. Через 2 года вступил в партию и получил доцентуру по органической химии. Потом защитил диссертации на кандидата и на доктора и в 1944 году стал профессором и доктором химических наук. Еще годом раньше он был назначен директором Нефтяного Института имени Губкина, а с 1947 по 1949 год был зам. министра высшего образования СССР. В 1949 году избран академиком и сразу стал главным научным секретарем Академии Наук. Через 11 лет стал ее вице-президентом. Он организовал в Академии Институт Нефтехимического Анализа, который возглавлял до кончины. Топчиев напечатал свыше 300 работ по химии, химической технологии и, особенно, превращений углеводорода нефти. А. В. Топчиев получил в свое время и Сталинскую и Ленинскую премии и был членом Московского Горкома партии. Но для него партийный билет был лишь средством для возможностей научной полезной для родины работы. Это был жизнерадостный оптимист, любивший выпить и покровительствующий талантливой молодежи, которой давал понять, что без партбилета нет возможности получить кафедру и добиться ассигнований на серьезные научные работы, хотя бы в области химии и нефтяного дела.

Осенью 1954 года Топчиев был главой советской делегации на международном конгрессе по нефтяному делу в Риме и не чуждался встреч с теми русскими людьми, которые являются убежденными противниками советской диктатуры, чем резко отличался от свирепого и уклонявшегося от разговоров азербейджанского академика Юсуфа Гейдаровича Мамед-Алиева, скончавшегося 15 декабря 1961 года за год до Топчиева также на 56-м году жизни. Теперь, когда они оба за пределами досягаемости для Шелепина и Семичастного, можно поведать о том, что они беседовали с русскими эмигрантами на блестящем вечере в Термах Диоклетияна, где слегка подвыпивший Топчиев даже был снят с журналистом из чехословацкой эмиграции, с которым беседовал через переводчика по-французски, при чем присутствовал также русский эмигрант, от беседы с которым уклонился правозащитный большевик Мамед-Алиев. Забавно было наблюдать переполох этих ученых, когда пропал их английский переводчик — доцент Института Иностранных Языков в Москве. Секретари посольства думали, что он сбежал, но оказалось, что он слишком увлекся итальянскими винами и мирно заснул за одной из статуй украшающих Термы Диоклетияна.

На похоронах Топчиева присутствовали секретари ЦК Л. Ф. Ильичев и Б. Н. Пономарев, выступили президент Академии Наук М. В. Келдыш и зам. председателя совета министров СССР К. Н. Руднев. Похоронили Топчиева на Новодевичьем кладбище, что позволяет предполагать религиозность семьи покойного — "формального" коммуниста, не пожелавшей допустить его кремации.

30-го декабря скоростно скончался 45-летний хрущевский клевет Влاديمир Дмитриевич Родионов, всю жизнь проработавший в органах партии. С 1954 по 1958 год он заведывал партийными кадрами Каменского Обкома, а с 1958 по 1961 год — Пензенского Обкома. В прошлом году он переведен в Отдел партийных кадров по РСФСР в Секретариате ЦК, где работал ближайшим помощником кандидата ЦК М. А. Пелехина, а с декабря 1962 г. — члена ЦК и секретаря по кадрам Вит. Ник. Титова. Возможно, что новый шеф не взлюбил карьериста Родионов и это вызвало или самоубийство или сердечный припадок, сразивший его внезапно в еще молодом возрасте. Никто из секретарей ЦК не пожелал подписать его некролога, который поэтому подписан "группой товарищей".

Алексей Ростов

Вяч. Павлович

ПОСЛЕ ДОЛГОГО ПЕРЕРЫВА

"Я знал, я не должен был этого делать!" — слова больного, умирающего Рузвельта после очередного заседания в Ялте. — "Но я так устал, когда они меня зажали!"

Но кто это "они", если за круглым столом были, помимо президента, только трое: Хисс — советник Рузвельта и Сталин с переводчиком? "Они" — Сталин и переводчик или Сталин и Хисс? Позже на допросе Хисс сказал: "Считаю, что там мы достигли очень ценных результатов". Повидимому, этих: расчленение Германии, передача большевикам Сахалина и Курильских островов, признание милому Джо трех голосов против одного США (в будущей ООН), право на вето и выдача НКВД миллионов русских...

От роковых дней прошло семнадцать трудных лет. Нет Рузвельта, нет Сталина, ушел на покой престарелый Черчилль. Нет прежних Германии, Польши, Венгрии, Чехии, Болгарии, Румынии,

ОБЩЕРОССИЙСКИЙ МОНАРХИЧЕСКИЙ ФРОНТ

МОНАРХИЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ В ШТАТЕ ВИКТОРИЯ

сообщает, что по случаю Дня Тезоименитства Государя Императора НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА в воскресенье, 23 декабря 1962 года, после всенародной панихиды в помещении прицерковного зала Св. Покровского Собора г. Мельбурн, Австралия, состоялся доклад Н. И. Чернавина на тему: "Обзор Царствования Императора НИКОЛАЯ II".

МОНАРХИЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

ЗУБНОЙ ВРАЧ А.В. НИКИТИНА-ЧУЧУВАДЗЕ

Dra de Instituto Nacional
de Odontología
Лечение корней зубов —
Epdodoncia.

Технические работы.
Рентгеновские снимки.

Прием по записи — понедельник,
вторник, четверг и пятница от 15-20.

Тел. 88-0431

Capital — с. Panamá 914, 5º p. dep. A
Один квартал от subte Río de Janeiro
по линии Federico Lacroze
(Corrientes)

ЗУБНОЙ ВРАЧ Dra. PISAREDIEN de HORNBAIN

ДОКТОР МЕДИЦИНЫ
(говорит по-русски)

Специальное лечение корней зубов.
Искусственные зубы.
Рентгеновские снимки.

Прием ежедневно от 15 до 20 час.
Boulogne Sur Mer 541, p. 2, dpto. H
Capital Т. Е. 88-3605
(Один квартал от станции субтер-
нео "Пуэйредон" по линии Феде-
рико Лакросе).

ДОКТОР

Н. М. БАРТОШ - СЕРБИНА
Женские и детские болезни

Прием: ежедневно, кроме среды, от
18-20 час. улица Maure 1563. Тел.
772-9260 и четв. и суббота от 15-18 ч.

CLINICA PROF. DR. BARTOSCH
Calle Acassuso 907 San Isidro
Тел. 743-8645.

MAR DEL PLATA
RESIDENCIAL — ПАНСИОН
Комнаты с ванной. Теплая вода.
З а в т р а к
ЦЕНЫ СНИЖЕНЫ
(от 180-220 песо с персоны)
Calle Paunero 2416 — Т. Е. 2-4811
И Н Ф О Р М А Ц И И
по указанному телефону или в Буэнос
Айресе по Тел. 51-1827.

Китай. Нет мира... Будем справедливы, "старик", как заглазно звал Хисс президента, совершил ошибку, но ее было легко исправить. И в год смерти Рузвельта, и позже; если угодно — вплоть до 23 сентября 1949 года, даты, когда Советы взорвали "свою" первую атомную бомбу. Почему этого не сделали? Ошибку не поздно было исправить и при Трумане и при его преемнике, ибо, конечно, Сталин, обезумев, мог развязать войну, но то был не столько агрессор, сколько стервятник, неуклюжий и трусливый, питавшийся... трупами политическими, которые некому было охранять и некому было защищать. Ответ напрашивается сам собою: демократия как сила, экзамен не выдержала и надежд человечества не оправдала.

Поводом вспомнить о прошлом, о Ялте, об Алджере Хиссе — политике первого ранга, едва ли не признанном гении (в подчинении вундеркинда — одно время прославленный Доллес); поводом написать статью являются не решения в Ливадийском дворце и все, что последовало дальше; даже не факт столь невероятный, сколь невероятны были и условия той конференции: изобличенный шпион и коммунист, казался бы, конченный человек, Хисс вновь всплывает, опять подает свой голос, — а то несомненное, что в, так называемом, левом лагере пробили сбор в поход... Международная обстановка, по Брюсовому календарю: мягкая зима и великое таяние снегов, исключительно благоприятна.

Появление Хисса на экране многих застигло врасплох. Впрочем лица сведущие предвидели гальванизацию трупа. Де-Толедано и Ласки пишут и издают документальную книгу "Семена измены"; Хисс публикует воспоминания "Шесть кризисов", а в сборнике "Ридерс Дайджест" печатаются выдержки под заглавием "Удивительный случай с Хиссом"; Дон-Уайтхед издает свою "Историю Эф-Би-Ай"...

Ноябрьский дебют Хисса, как известно из газет, связали с именем Никсона, но Никсон, как и Хисс — более предлог, причина для виду. После поражения в Калифорнии Никсон имел неосторожность в прощальном слове простосердечно указать на пристрастное к нему отношение прессы. Молниеносно телевизионная компания "АВС", точнее говоря, Ховард Смит (запомни имя) мастерит свой ответ, свое прощание. Роль центральной фигуры в разыгранном блестяще фарсе играет, всего пять коротких минут, Хисс. Не Хисс — изобличенный предатель, а Хисс — жертва интриги и мракобесия. Печально, что соавтором, воистину, позорной выходки стал бывший пресс-секретарь бывшего президента, а, значит и вице-президент, Хэггерти.

Ховард Смит — фигура зловещая. Это он выступил в 1949 году книгу "Положение в Европе", так понравившуюся прежде всего коммунистам. В газете "Дейли Воркер" (США) в номере от 21 мая того же года читаем: "Он, Смит, установил со всею очевидностью, что народные демократии показывают большой прогресс, в то время как западно-европейская экономика регрессирует". Он опроверг обвинения, что Россия превратила Восточную Европу в колонию... Некому Ф. Елкинс известно и другое (газ. "Таблет"): этот Смит уже в 1946 году пытался навязать Британской р-компанию статьи, где доказывал, что в неудачах переговоров по разоружению виноват, де, более Запад, чем Сталин...

Добропорядочный американец вправе быть недовольным. Генерал в отставке Швин обвиняет компанию АВС ("Таблет", 1 дек. 62 г.) не только в оскорблении патриотических чувств нации. В еженедельных передачах с экрана под титулом "Комбат", утверждает генерал, оскорбляют и ошельмовывают и немцев с целью вызвать недоверие и ненависть к Германии.

Выступление Хисса вызвало бурю негодования и протесты. Ряд фирм пытается расторгнуть деловые связи с АВС. Бывший коммунист Лун Буденц пишет приблизительно так: "Нет ничего более драматического, чем появление А. Хисса, человека, на котором ле-

жит вина за передачу Советам секретных документов США". Но дело сделано, его видели, слышали. Сигнал к наступлению дан и многочисленные друзья, одного поля ягода, могут быть довольны.

Примечательный из людей безвременья и безлюдья, кое в чем (в макнавелизме, безусловно) схожий с Хозефом Фуше, классическим предателем времен революции и империи Наполеона, Хисс, движимый ложным сознанием, что ему дано свершить великое деяние, которое — и только оно — является его подлинной родиной, обуреваемый тщеславием (за деньги себя он не продавал), взяв старт, не остановится на полпути. И он, жизнь которого еще впереди, жаждет сразиться с врагами левого фронта, обскурантами, так безжалостно расправившимися с ним и ему подобными четырнадцать лет тому назад: Ховард Смит или тот, кто стоит за его спиной, об этом знает и это его устраивает... Но, повторю, главное не в Хиссе.

Две книги в США раскупаются на расхват (бест-селлер): "Семена измены" и "Семь дней мая". Обе посвящены жгучему вопросу, который касается всех: Что же дальше, где опасность и как ее отразить? Но авторы — антагонисты; их книги — с разными знаками. Если в первой предупреждают об опасности слева, во второй — об опасности справа. Первой книги в регистрах не найти (успех помечен в предисловии ко второму изданию), вторая открывается собою бензменно с середины ноября список бест-селлера... Перед нами уже борьба идей.

В ней отведено, конечно, место и Хиссу, который когда-то был популярен в кругах "интеллектуалов" и которые, подчеркнем, и по сию пору не видят в нем преступника. Многозначительна позиция газ. "Нью-Йорк Таймс" (с ней "Нью-Йорк Пост" и другие). Книжка "Семена измены", труд в 300 страниц, году занятий трех лиц уже наклеен ярлык "проворной работы безответственных элементов"... Но Хисс в политической игре, которая после вынужденного перерыва возобновлена вновь, далеко не ферзь, а скорее смысленный, поддужный. Начать с него, в прошлом доверенного лица Рузвельта, Стетиниуса, Эчисона, выученика профессора Франфуртера, друга республиканца Доллеса — куда как удобнее, Перейдем к Хиссу и мы.

Прежде чем расставить фигуры и заново проиграть партию, известную под именем "дела Хисса-Чемберса", попросу читателя об одном. Забудьте всё; главное — отбросьте рационализм, присущий человеку XX века, который не верит ни в сон, ни в чох. Если взглянуть в фотографию Хисса, а затем вслушаться в это странное звучание слова ХИСС, то невольно спрашиваешь себя: по случайности ли оно в английском языке (загляните для верности в словарь) обозначает шпение, свист... змеи? Невооруженной, или даже вооруженной рукой отразить или поймать гада, обладающего хитростью, ловкостью и зловораживающей силой взгляда, не легко.

Одним августовским утром, в комитет по расследованию антиамериканской деятельности является редактор журнала "Тайм" Чемберс с намерением дать показания касательно инфильтрации коммунистов. То был 1948 год, время беспредубной беспечности и беспечального ротозейства, когда, под покровом не такой уж великой тайны, Фукс, Гольд, Грингласс, Собл и чета Розенбергов сводили к концу свое предательство.

Чемберс заявил, что с 1924 по 1937 год был членом коммунистической партии; оставил ее, рискуя жизнью, когда убедился, что коммунисты стремятся к неопределимому подлому порабощению человека. Чемберс назвал четырех лиц своей подпольной группы и в ней юриста по образованию Алджера Хисса, крупного политического и государственного деятеля. То была не первая его попытка, попытка в успех которой Чемберс уже не верил — раз сам Рузвельт, однажды, выслушав близкого друга Буллита (акция Дон-Левина и Чемберса), рассмеявшись, ограничился советом "не беспокоиться".

На первом допросе Хисс отрицает, что был когда-либо коммунистом, а что имя Чемберса, как и фотография последнего, ему ничего не говорят.

Чемберсу не верят; наоборот, многие спешат выразить "жесткое оговора" сочувствие. Среди них Эчисон, член комитета Ранкин и Труман. Но Хиссу не верил Никсон, член комитета и конгрессмен. Было подозрительно, что Хисс избегал точных ответов... Предстояло решать, кто лжет: Чемберс ли, атаковавший Хисса, рискуя положением и окладом в 30 тысяч долларов, или Алджер Хисс?

Никсона уполномочили образовать подкомиссию и в ней допросить Чемберса без свидетелей. Через три часа бомбардировки, Никсон (также юрист по образованию) установил, что и Хисс и Чемберс были друзьями, что Чемберс часто бывал и даже жил в доме Хисса, знал много подробностей из личной его жизни, и, в частности, тот факт, что Хисс подарил однажды автомобиль коммунистической партии. Чтобы получить полное представление о Чемберсе, Никсон посещает его на дому, на ферме, где последний скрывается под вымышленным именем. Никсон убеждается, что перед ним отнюдь не пьяница, развратник или психопат, каким его изображает печать. Интуитивно Никсон верит Чемберсу, но чувствует, что Чемберс говорит не всю правду.

На очередном допросе Хисс, уже осведомленный кем-то о секретных встречах сенатора, меняет показания. На предъявленной фотографии узнает некоего Кросли. Никсон устраивает очную ставку. При появлении Чемберса, Хисс разыгрывает комедию с... зубами, пытаясь создать впечатление, что Кросли сегодня выглядит иначе, чем прежде, в дни случайных с ним встреч. Хисс, конечно, отрицает, что знал Кросли как коммуниста. В конце заседания Хисс совершает роковую ошибку: не раскрыв поверенному всей правды, Хисс по его совету предлагает Чемберсу повторить обвинения вне стен комитета, рассчитывая на всепокрушающую силу трусости. Через неделю Чемберс удовлетворяет желание Хисса, прибавив, что никогда не назывался именем Кросли.

Теперь оставалось доказать, что Хисс коммунист. Никто не находит мифического Кросли. Хуже, Никсон устанавливает, что автомобиль — не выдумка и в самом деле был подарен и переписан на имя явного коммуниста Розена. Хисс теряется и... обвиняет уже Никсона, который, якобы, сводит счеты с покойным Рузвельтом. Тем временем Эф-Би-Ай отыскивает человека, подтвердившего, что Хисс с женой состоял в приятельских отношениях с четой Чемберса, что за тысячу долларов, полученных от советского агента полковника Бориса Быкова, Чемберс-посредник купил Хиссу бухарский ковер, что Хисс встречался с Быковым...

Хисс вчиняет иск на 75 тысяч долларов. И тут Чемберс решает взорвать Хисса. То, что в течение десяти лет скрывалось в потайном месте, документы (вернее, копии), которые Хисс выкрадывал из канцелярий и вручал для передачи Быкову, то единственное, что спасало Чемберса от мести чекистов (они понимали, что в случае смерти "предателя", документы будут переданы властям) — было предъявлено суду.

Часть документов получил Никсон и вместе с ними — микрофильмы бумаг, проходивших через руки Хисса.

С фильмами произошел казус. Чтобы проверить подлинность, Никсон запросил "Кодак". Оттуда ответили, что такую продукцию фирма стала выпускать только после войны... Объяснение Чемберса было кратким: "Сам Господь Бог против меня!" Никсон готовился признать поражение — Чемберс лжец. На 9 часов вечера пригласили представителей печати. В 8.55 раздался звонок и фирма призналась в ошибке: фильмы выпускались и в те годы.

Дальнейшие расследования установили непреложно (в них приняло участие более 260 агентов), что Хисс и Чемберс были шпионами, что оба были связаны с Советами.

В последовавших судебных разбирательствах, насыщенных высоким трагизмом, Хисс был осужден за ложные показания. Дело о шпионаже отпало за давностью. Хисса приговорили к 10 годам тюрьмы и через 6 лет, в 1954 году, выпустили на свободу. Сидя в тюрьме Левисбург он говорил: "Если бы "старик" жил, я никогда не был бы здесь".

Вяч. Павлович (США)

Эвневник Наблюдателя

ВОПРОСЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА

Самый большой интернационал, объединяющий три лагеря, т. е. страны свободного демократического мира, страны, подавленные коммунизмом, и подхалимов коммунистического мира, именуемых нейтральными, называется **Организацией Объединенных Наций**. Родившись от противоположного сожительства капитализма с коммунизмом, ООН пережила своих создателей Рузвельта и Сталина и к нашим дням вполне доказала свою несостоятельность. Единственный случай, где она успешно довела до конца предпринятое дело, было дело объединения Конго, и мы будем близки к правде, когда скажем, что такая игра свеч, конечно, не стоит.

Это учреждение, очевидно, будет сдано в архив и мало-помалу о нем забудут. Однако, организация жизни современного мира требует тесного контакта между странами. На пути построения интернационала осуществляются разнообразные попытки, идущие помимо ООН или параллельно ей.

Так, с некоторых пор существует небольшой, чуть не карманного размера интернациональчик, очень удачно вписавшийся в границы пяти средне-европейских стран. Это **"Международный Европейский рынок"**. Согласно первоначальному уговору, в случае обсуждения вопроса о принятии нового члена, каждая страна имеет право "вето", т. е. есть для принятия нужно полное единогласие.

С месяцем тому назад Мак Миллан был принят де Голлем в одном из подпартичных старинных замков. (Если говорят "подмосковный", то почему нельзя сказать "подпарижский"?). Де Голль сделал Мак Миллану несколько намеков, подсказав, что ждет ответа через месяц. Мак Миллан намеков не понял и ответа не дал. Именно тогда де Голль и выступил с речью, о которой было упомянуто в прошлом выпуске.

Выступление де Голля произвело потрясающее впечатление. Оно поставило точку над "и" тем, что в нем де Голль провозгласил лозунг **"Европа для европейцев"**. В самом деле, принятие Англии связано с принятием ее заморских сочленов Австралии и Канады, следом за которыми вплетаются влияния Америки. Карманный средне-европейский интернационал оказывается на пороге своего превращения в интернационал всемирный.

США хотят, чтобы Англия была принята в организацию Общеввропейского рынка. Другие сочлены тоже хотят этого. Сама Англия колеблется. Франция поставила себя решительно против.

Вопрос-принятия Англии усложнен договором, известным под названием **НАТО** и распределением орудий атомной энергии. Новая позиция Франции, то есть де Голля, перепутала карты на зеленом столе неразрывной дружбы, связывающей страны демократического запада, и Америка не замедлила высказать де Голлю свое отчетливое "фэй".

Слова Дж. Кеннеди не показались де Голлю убедительными, и вот в качестве тяжелой артиллерии прозвучал голос **самого Барнарда Баруха**. Смысл Барухова заявления в том, что если Европа по де-Голлевски изолирует себя от Атлантики и Америки, то она повторит шаг, за который недавно де Голль же критиковал Америку, что величие Франции нельзя ставить выше общих интересов и что, при том, что поскольку извлечение атомной энергии перестало быть неразрешимой тайной, то, при отсутствии единения в Западном мире, виды на будущее становятся безнадежными.

Нам не случилось в течение последних дней повидаться с ген. де Голлем, и его реакция на слова Баруха нам неизвестна, но думается, что теперь Франция внимательно прислушивается к совершенно новому секретному плану, который имеет предложить д-р Аденауэр де Голлю.

Кеннеди, судя по его заявлениям, счел обеспокоен ограничением единства между Западными странами. Оно ему кажется необходимым в интересах борьбы против коммунизма. Кеннеди делает упор на то, что сейчас, когда

наметился раскол в лагере коммунистических стран, единство Запада имеет особенное значение!

Было опасение, что в интересах защиты мира во всем мире, Кеннеди согласится снять атомные установки, нацеленные на СССР и расположенные в Италии и Греции. Кеннеди объявил, что речь идет о замене наземных стационарных установок "Юпитер", установками подвижными, укрепленными на подводных лодках. Эти снаряды, именуемые "Поларис", уже направлены в воды Италии и Греции.

Но посмотрим на раскол в коммунистическом лагере. Как утверждает печать демократического мира и как соглашаются некоторые обозреватели из нашей же среды, борьба между китайскими и московскими коммунистами разгорелась не на шутку. Мы уже писали, что раскол этот выдуман в качестве дымовой завесы для прикрытия наступительных маневров большевизма в направлении ко всемирной большевистской революции.

Разыгрывая в песнях, предназначенных для Запада, глубокую идею мирного сосуществования, Хрущев, наконец, сделал вид, словно бы он готов пойти на уступки в отношении инспекции на месте, по поводу запрета атомных испытаний. Уступка сделана, как и всегда, в таком виде, что сосуществовательные союзники ее принять не могут. Хрущев выглядит миролюбом, а Кеннеди выставляется в виде капиталистической акулы, стремящейся как можно скорее ввергнуть мир в уничтожающую войну в интересах толстопузых капиталистов.

Но, хотя раскол между пекинскими и московскими большевиками и был разыгран как по нотам, к концу конгресса сам Никита Сергеевич проговорился, выболтав, что он сам все равно только ждет удобного момента, чтобы военным ударом покончить с капиталистическим миром.

На митинге во дворе сталелитейного завода под Берлином Хрущев заявил, что **"убрав 42 снаряда с Кубы, мы установили от 80 до 120 других снарядов в других более удобных местах"**. В интервью же данной газете "Нойес Дейчланд", он говорил, что "единственным способом для Западного мира спасти Западный Берлин является заключение договора о превращении его в открытый город". "Правящие круги в Зап. Берлине заявляют, что у них есть союзники, утверждающие, что защитят Берлин посредством войны. Но ведь у них не хватит даже времени и на то, чтобы поспеть в Берлин на похороны!"

Спрашивается: что же случится такое в Берлине, чтобы западные союзники туда не поспели на похороны? Да очень просто: речь идет о том, что большевики станут решать берлинский вопрос военными способами. То есть — Хрущев толкует о мирном сосуществовании, ни на минуту не упуская из виду военное решение проблемы всемирной революции, и шила в мешке не утаишь.

Большевики работают. Большевистские "методы" классовый борьбы давно нашли свое применение в Аргентине (пров. Кордоба), где группа рабочих террористов с оружием в руках заняла территорию автомобилестроительного завода, под угрозой казни заложников потребовала от администрации исполнения своих требований и заявила, что **"отныне рабочий класс переходит к новым методам борьбы за свои интересы"**. Террористы остались на свободе.

Акты терроризма беззастенчиво производятся также и в Венесуэле. Волна терроризма, прокатившаяся в Перу, пока остановлена решительными мерами полиции, но зачинщики не изловлены и спрашивается: надолго ли пришел покой?

Хотя тут не обошлось без мегаломании, любопытно заметить, что Кастро выступил в виде примирителя между Хрущевым и Мао. Его мысль направлена на Латинскую Америку и вот, призывая к миру в "нашей социалистической семье", Кастро склоняется на сторону китайцев, и говорит, что с возникновением соответствующих субъективных и объективных условий в данной местности массовые революционные движения становятся совершенно

† 26-го января с. г., в 5 час. 15 мин. утра, Божией милостью скончалась, после тяжелой болезни

АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВНА МАМОНТОВА

урожденная МАТВЕЕВА

о чем сообщает семья покойной.

На 9-й день со дня кончины в воскресенье, 3-го февраля с. г., в 11.30 часов (после окончания Литургии) в Храме Преп. Сергия Радонежского в Вижа Бажестер будет отслужена

ПАНИХИДА.

† 4-го января с. г., в Сан Пауло, Бразилия, на 85-м году своей жизни тихо скончался

ГЕНЕРАЛ - МАИОР

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ГОЛОЩАПОВ

о чем с грустью сообщают дочь, зять, внуки и правнуки покойного.

необходимы. Коротко говоря, Кастро провозглашает старый принцип вооруженного захвата власти.

Итак, пришлось наблюдать учиненный де Голлем разлад в лагере демократии, развитие (сосуществующего ли?) теоретического раскола между Москвою и Пекином. Но самый интересный раскол приходится наблюдать в Конгрессе США. Пока Кеннеди говорил об успехах достигнутых им после прихода к президентским креслам, речь его текла легко и плавно. Но вот слово взял сенаторы, интерес которых попрежнему прикован к вопросу о поражении при высадке на Кубу в апреле 1961 года.

Вещь эту иначе не назовешь, как Кубинский скандал. Сведения оказываются в прямом противоречии. Официальные доклады сообщают, что вооружение Кубы продолжается. Если недавно газеты сообщали об отъезде тысяч советских граждан с Кубы, то теперь сведения вновь и вновь говорят, что вооружение Кубы продолжается, что туда поступает советское оружие, что советские армейские соединения строят подземные аэродромы, что благодаря невниманию правительства США, советские армейские соединения оказались теперь на расстоянии 145 км. от границы США и что вооружение большевистской Кубы продолжается со всей интенсивностью. Изучается также вопрос о том, почему была отменена авиационная подготовка при высадке на Свинном заливе. Участники операции весьма подробно свидетельствуют о том, как авиационная подготовка была начата, но тут же прекращена без видимой причины.

Пока этот вопрос изучается в специальных Сенатских комиссиях, Кеннеди с полным спокойствием отвергает все сведения, которые рисуют его и его правительство в неблагоприятном свете. Нельзя, однако, пройти мимо того, что газеты тщательно подчеркивают то неясность, то двусмысленность его оправданий, и, конечно, странное впечатление производит то, что сегодня он спокойно говорит о пребывании на Кубе 17.000 советских солдат, в то время, как не так давно он же утверждал, что это только техники, и что их там даже почти и вовсе нету.

Сейчас в интересах мира найдена новая формула: Кеннеди заявляет, что хотя Куба и вооружается, ее вооружение является оборонительным, а не наступательным. В чем именно различие ясности пока установить не удалось, как неясно и то, — с какого именно момента оружие становится наступательным, и можно ли его снова поставить в оборонительное положение, если именно им снята голова с противника. Противником же нынче является демократический мир.

Кеннеди, впрочем, призывает к борьбе против коммунизма. Он считает, что демократические страны должны объединиться в борьбе против коммунизма до тех пор, пока коммунизм потеряет свою силу (моментум!).

Напомним г-ну Кеннеди, что в ожидании этого ослабления коммунизма ему в лукошко попали сначала Россия, а за нею страны Балтики, потом Восточная Европа и Китай, потом, пока что, Куба. Посоветуем ему выучить на память, что Демократический Запад может выиграть Холодную войну только в том случае, если целью выигрыша этой войны будет поставлено полное уничтожение коммунизма.

Наблюдатель

ДОКТОР

Кира Николаевна
КОЛДОМАСОВА - БАУМГАРТЕН
принимает
по средам и пятницам от 18 до 20 ч.
по субботам от 16 до 18 час.
AMENABAR 4156 CAPITAL
Новый телефон 701-8413

ОПЫТНЫЙ МАЛЯР МОДЕСТ

берет подряды на покраску
квартир
Moldes 1545, Capital. Tel. 795 - 8136

Розыски

Николая Андреевича Степанова, полковника артиллерии, и его сослуживцев Андрея, Авенира и Ивана Ивановичей Кудрявцевых разыскивает Евгений Александрович Александров.

Писать по адресу: 84-15 Smedley Str. Jamaica 35, N.Y. U.S.A.

Во избежание затруднений, прошу подписную плату — почтовые переводы, чеки и прочее — адресовать впрямь исключительно:

Tatiana Kirew de Dubrowsky
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires — Argentina

Продолжается подписка на ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

НАША СТРАНА

основанную И. Л. Солоневичем
под редакцией Вс. Дубровского
ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА

Аргентина — 12 песо.
САСШ и Канада — 35 цент.
Бразилия — 80 круз.
Венесуэла — 1 боливар
Парагвай — 12 гуарани
Уругвай — 1.50 ур. песо
Чили — 150 чил. песо
Австралия — 1 ш. 6 пен.
Англия — 1 ш. 3 пенса
Бельгия — 10 белг. фр.
Германия — 75 пфен.
Голландия — 0.65 гульд.
Греция — 4 драхмы
Марокко — 1 фр.
Франция — 1 фр.
Швейцария — 1 шв. фр.

ПО ВОЗДУШНОЙ ПОЧТЕ
Аргентина — 14 песо
САСШ и Канада — 40 цент.
Бразилия — 100 круз.
Венесуэла — 1.25 болив.
Парагвай — 15 гуарани
Чили — 200 чил. песо
Австралия — 3 шил.
Англия — 2 ш. 6 пен.
Германия — 1 нем. марка
Голландия — 1 гульд.
Греция — 8 драм
Италия — 200 лир
Франция — 1.40 фр.

В розничной продаже и при подписке — цена номера одинакова.

Подписную плату просим вносить не менее чем за 10 номеров вперед.